

ГЕРМАН

КАК
ЛЕЧИЛИСЬ
РУССКИЕ

1-11

Д-ръ Ф. А. Терланъ.

90 1-72
1011

КАКЪ ЛѢЧИЛИСЬ

МОСКОВСКІЕ ДАРИ

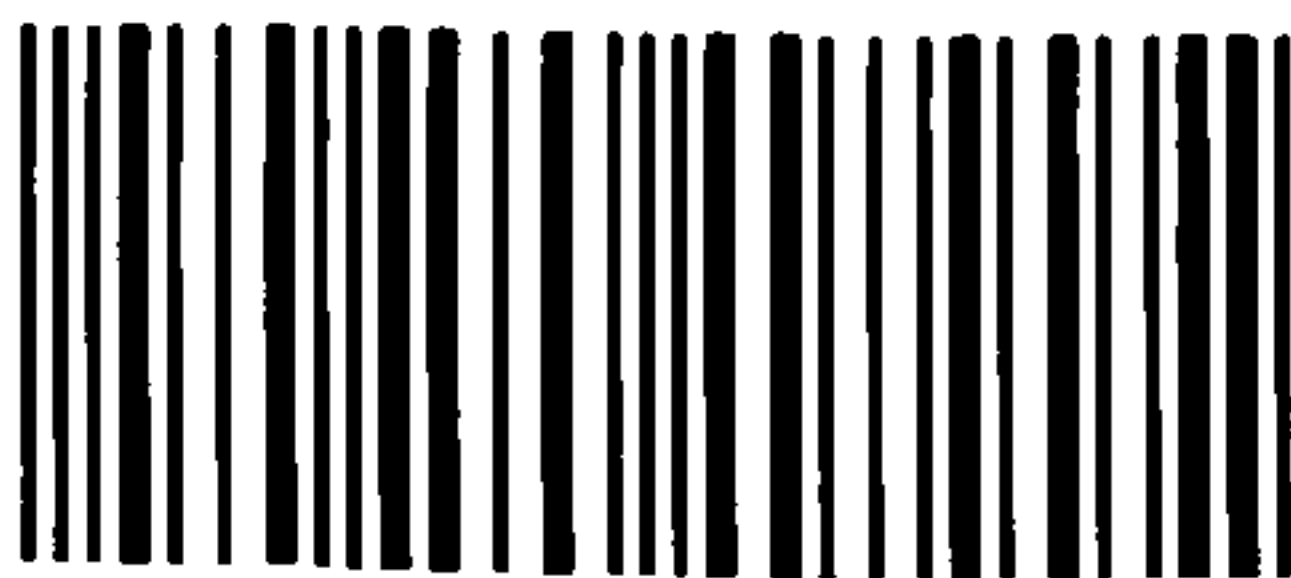
(МЕДИКО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

аніе книгопродавца

Ф. А. ЮГАНСОНА

Київъ—Харьковъ

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20 январа 1895 г.

2007111626

К І Е В Ъ.

Типографія Н. Чоколова, М.-Житомирск., № 4.

1895.

I.

Профессиональные врачи, известные западной Европѣ еще со временъ Римской имперіи, появились на Руси сравнительно поздно—только въ XV вѣкѣ, и въ началѣ лишь при дворѣ великихъ князей, въ обиходѣ которыхъ они составляли особаго рода роскошь. Приглашены они были съ Запада: московская Русь звала оттуда на службу великаго князя и архитектора, для украшенія великокняжескихъ палатъ, и живописца, и—на всякій случай—врача, этого мастера по ремонту человѣческаго тѣла, которое расшатывали разныя болѣзни. На врача возлагались заботы о здоровьи великаго князя и тѣхъ лицъ, лѣчить которыхъ приказыва-

валъ ему великій князь. На врача и смотрѣли какъ на мастера—архитектора: какъ послѣдній долженъ былъ все поправлять и устраивать, такъ и первый долженъ былъ все излѣчивать.

Первый профессиональный врачъ появился въ Россіи при Іоаннѣ III, но всей вѣроятности, въ годъ женитьбы его на Софѣ Палеологъ. Въ свитѣ, при прибытіи ея въ Москву, „мнози греци прійдоша, служаще царевнѣ“; навѣрное, между ними былъ и лейбъ-медикъ, составившій при западно-европейскихъ дворахъ необходимое лицо въ свитѣ всякаго короля и герцога. Это подтверждается и рассказомъ Ambrois Contarini, что онъ, во время своего путешествія изъ Венеціи въ Персію, по совѣту своего спутника Марка Руфа, назвался врачомъ великой княгини, чтобы пользоваться бóльшимъ почетомъ *). До насъ до-

*) „Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи“ т. I, Спб. 1836. „Путешествіе Амвросія Контарини“, стр. 86.

шли свѣдѣнія о двухъ врачахъ, Антоніѣ и Леонѣ, жившихъ въ это время въ Москвѣ. О первомъ лѣтописецъ говоритъ:

„И того жъ лѣта врачъ нѣкій нѣмчинъ Антонъ (по мнѣнію Л. Змѣева, еврей Эренштейнъ) пріѣхалъ великому князю (Іоанну Васильевичу), его же въ велицей чести держалъ великій князь: врачевалъ же князя Каракуча, царевича Даньярова, да умори его смертнымъ зельемъ за посмѣхъ. Князь же великій выдалъ его сыну Каракучеву, онъ же мучилъ его, хотѣлъ накупъ дати. Князь же великій не повелѣлъ, но повелѣлъ его убить; они, сведше его на Москву-рѣку подъ мостъ зимою, и зарѣзали ножомъ, яко овцу. Тогда жъ и Аристотель (извѣстный архитекторъ), боясь того, началъ проситься у великаго князя въ свою землю. Князь же великій на него опалился, велѣлъ посадить подъ караулъ на Антоньевѣ дворѣ, иже за святымъ Лавреємъ, а имѣніе его на себя опи-

сать велѣлъ Государь“. Таковъ былъ конецъ перваго врача на Руси *).

Не лучше была и судьба другого врача, Леона, по происхожденію еврея. „Въ 1490 г. Мануиловы дѣти (братъ Софіи Палеологъ, Андрей и племянники) Ралевы приведоша съ собою къ великому князю лѣкаря мастера Леона, жидовина изъ Вѣнецѣи, и иныхъ мастеръ... **). То ижъ зимы (1490) месяца марта въ 7 день преставися благовѣрный и христолюбивый великій князь Иванъ, сынъ великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи старѣйшій, жилъ всѣхъ лѣтъ 32 и 20 дней, а болѣлъ камчюгою (ломотою) въ ногахъ. И видѣвъ лѣкарь жидовинъ мастеръ Леонъ, похваляясь рекъ къ великому князю Ивану Васильевичу отцу: я излѣчу

*) „Лѣтописецъ русской“. Издавъ Н. Л. Сиб. 1792, III, 185.

**) „Памятники дипломат. снош. древн. Россіи съ державами иностранными“. Сиб. 1851, т. I, 46.

сына твоего, великаго князя, отъ той болѣзни, а не излѣчу его азъ, и ты вели меня смертию казнити. И князь великій Иванъ Васильевичъ иня въ вѣру рѣчемъ его, повелѣ ему лѣчити сына своего, великаго князя. И нача его лѣкаръ лѣчити, зелье шти даде ему, нача жесть сткляныцами по тѣлу, вливая воду горячую, и отъ того ему тягчае бысть и умре. И того лѣкаря Леона велѣ князь великій Иванъ Васильевичъ поймати, и сорочинъ (въ сороковой день смерти) сына своего великій князь повелѣ казнити его, голову сѣчи и сѣкоша ему голову на Болвановой. Апрельъ въ 23 день⁴ *).

Такъ трагически кончили два первые піонера медицинского сословія при дворѣ московскаго великаго князя. Здѣсь совершилось то, что было двумя вѣками раньше обыкновеннымъ явленіемъ въ нѣкоторыхъ западно - европейскихъ

*) Никв. VI, 125.

государствахъ, какъ, напр., въ Ита-
ліи, Германіи: и тамъ въ XII, XIII
вѣкахъ обращались не лучше съ
врачами, и тамъ имъ неоднократно
выпадало на долю искупать цѣной
собственной жизни смерть своихъ,
даже и не вѣнценосныхъ, пациен-
товъ. Поэтому-то и выработался
тамъ классъ странствующихъ вра-
чей, кочевавшихъ съ мѣста на мѣ-
сто и успѣвавшихъ скрыть слѣды
своего пребыванія раньше, чѣмъ
выяснились результаты ихъ тера-
певтическихъ пріемовъ и совѣтовъ.
Этотъ обычай—производить кро-
вавую расправу надъ врачомъ за
неудачное лѣченіе—въ нѣкоторыхъ
государствахъ былъ даже освя-
щенъ законодательствомъ. Такъ,
напр., по законамъ вестъ-готовъ,
которые въ VII вѣкѣ были соста-
влены изъ древне-германскихъ и
приняты во многихъ государствахъ
(въ Испаніи до XII вѣка): „Врачъ, на-
несшій вредъ кровопусканіемъ бла-
городному лицу, платилъ штрафъ
сто solidos. Въ случаѣ смерти боль-

ного, врачъ выдавался роднымъ умершаго, и они могли съ нимъ дѣлать что хотятъ. Если же кровопусканіемъ наносился вредъ рабу или онъ вслѣдствіе этого умиралъ, то врачъ долженъ былъ замѣнить его на свой счетъ другимъ рабомъ“ *). Кровавая расправа съ Леономъ могла быть, впрочемъ, результатомъ и политическихъ соображеній. Люди, недовольные Іоанномъ III и Софьею Палеологъ за новшества, упрекали ихъ въ отравѣ Іоанна Младого; чтобъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, великій князь могъ рѣшиться пожертвовать врачомъ, чтобы показать, что онъ съ нимъ не былъ солидаренъ и что онъ глубоко потрясенъ смертью сына. То же могло имѣть мѣсто и при смерти царевича Караучи.

Послѣ описанныхъ неудачныхъ опытовъ съ иноземными врачами

*) I. T. Pyl „Repertorium für die öffentliche und gerichtliche Arzneiwissenschaft“ Berlin. 1789—93. Bd. III, 13—14.

прекращаются на нѣкоторое время всякія извѣстія о нихъ. Трудно рѣшить, была ли утрачена вѣра въ ихъ познанія или не было лицъ, желавшихъ рисковать своей жизнью. Второе болѣе вѣроятно, ибо извѣстно, что, послѣ казни Леона, въ августѣ 1490 г. было поручено послать къ „Кралою Римскому Максиміану, Юрію Троханіоту греку и Василю Кулешину“, просить, „чтобы король послалъ къ великому князю лѣкаря добраго, который бы вѣдомъ былъ на внутренныя болѣзни и на раны“. По словамъ Павла Іовія, бывшаго въ то время въ Россіи, „философіею, астрономіею и другими науками, равно какъ и раціональною медициною, москвитяне не занимаются; должность врача исполняетъ у нихъ всякій, кто только имѣлъ случай испытать дѣйствіе какихъ-нибудь неизвѣстныхъ травъ“ *). А въ дилетантахъ-врачахъ никогда и нигдѣ не чувствовался недостатокъ.

*) „Библіотека иностр. писат., и т. д.“
Т. I, „Путешествіе Павла Іовія“, 47.

II.

Въ царствованіе Василя Іоанновича III было приглашено на службу государя нѣсколько врачей. Намъ, между прочимъ, извѣстна дѣятельность двухъ изъ нихъ, Николая Луева и Теофила, у кровати заболѣвшаго царя. Объ этомъ лѣтопись повѣствуетъ такъ: „1533 сентября, послѣ Сергіева дня предъ Покровомъ, явился (у великаго князя) мала болячка на лѣвой странѣ, на стегнѣ на сгибѣ съ булавочную головку, врѣху же у нея нѣсть, ни гною въ ней нѣсть же, а сама багрова“. Въ теченіе нѣсколькихъ дней великій князь переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто; боль все время его беспокоила. „Наутрія же, въ поне-

дѣльникъ князь великій великою
нужею дойде до мыльни и за сто-
ломъ сѣдѣ въ постельныхъ хоро-
мѣхъ нужею (съ трудомъ)“. На
слѣдующій день великій князь
охотился; черезъ два дня послѣ
того ему стало хуже и „оттолѣ
стола у него не бысть, но вкуша-
юще мало на постелѣ (не было
аппетита, и онъ ѣлъ въ постели).
И нача къ болѣзни своей призы-
вати князя Михаила Львовича Глин-
скаго; а къ Москвѣ пославъ (вел.
князь заболѣлъ въ Колпѣ) вскорѣ
по докторовъ своихъ, по Миколая
по Булева да по Фефила. И Мико-
лай и Фефилъ пріѣхаша и по со-
вѣту со княземъ Михаиломъ со
Львовичемъ начаша прикладывати
къ болячкѣ муку пшеничную съ
медомъ прѣснымъ и лукъ печеной;
отъ того болячка начардѣтися (крас-
нѣть). Они же начаша болѣ при-
кладывати и учинися на болячкѣ
аки прыщъ малъ, и появился въ ней
мало гною (и черезъ 2 недѣли изъ
Колпы понесли вел. кн. на Волокѣ

на носилкахъ)... А изъ болячки мало гною изсякаячи, врѣху же у нея нѣсть, рана же у нее, аки иглою уткнута, а не прибудеть ея, ни убудеть. И повелѣ князь же великій прикладывати масть къ болячкѣ и нача изъ болячки итти гной по малу и поелику больше, яко до полутаза и по тазу... И тогда же въ грудехъ ему бысть тягость и того ради взяша горошки и сѣмянники*) и съ той пронесе ему на низъ, а болѣзнь его тяжка; и послѣ того, порушися ему ѣства не нача ѣсти.... И тогда же... выйде изъ болячки гною яко болѣе таза и выйде изъ нее стержень болѣе полуторы пяди, но еще не весь стержень выйде (повидимому, болѣзнь была—карбункулъ съ послѣдующимъ пораженіемъ тазобедреннаго сустава) изъ него. Князь же великій о томъ обвеселился, чая болѣзни своея облегче-

*) У Рихтера „Исторія медицины въ Россіи“, I, 273, „Горошки сѣмянники“.

нія. И тогда же посла къ Москвѣ по гетмана своего по Яна Малого. Янъ же вскорѣ прииде и нача прикладывати къ болячкѣ масть обычную. Отъ Яновы же масти мало отокъ поляже (гнойный отекъ мало уменьшился)... поѣха (15 ноября) въ каптанѣ. И не псхождаше отъ постели не мало (не вставалъ съ постели), но пребываніе на постели и обрацаху его со страны на страну (переворачивали его съ боку на бокъ), понеже изнеможе отъ зельные (сильной) болѣзни и брашна мало вкушаше.... и бысть на Воробьевѣ (близъ Москвы) два дни отъ болѣзни зельныя стража и изнемогающе. (Приѣхавъ въ Москву) князь же велики вельми скорбяще и изнемогающе, болѣзни же своей не чуяше, а раны у него не пребываше (не увеличивалась), токмо духъ отъ нея тяжекъ (дурной запахъ). И призва (бояръ и близкихъ) и дохтуровъ своихъ Николая Булева да Фефила, чтобы прикладывати къ болячкѣ масть или бы